

кий прием, как синтез психологической и социологической трактовки личности, представляющий личность в культуре через ее профессиональную и социокультурную активность.

Библиографический список

1. Амонашвили, Ш. А. Личностно-гуманная основа педагогического процесса – Минск, 1990.
2. Гусинский, Э. М. Образование личности. – М., 1994.
3. Кярпичник, А. Г., Немов Р. С. Путь к коллективу. – М., 1988.
4. Кон, И. С. Социология личности. – М., 1967.
5. Розов, Н. С. Культура, ценности и развитие образования / Основания реформы гуманитарного образования в высшей школе. – М., 1992.
6. Платонов, К. К. Структура и развитие личности. – М., 1986.
7. Меретукова, З. К. Педагогическая культура и педагогический идеал. – Майкоп 1999.
8. Лисина, М. Н. Общение, личность и психика ребёнка. – М.; Воронеж, 1997.

УДК 371.234: 178

С. В. Бунин, В. А. Беловолов, Е. В. Ильенко

ВЗАИМОСВЯЗЬ И ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ И ПРАВА КАК ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Правосознание, как и всякое духовное явление, обладает многообразными свойствами, признаками, чертами. Задачей социально-философского анализа является обобщение имеющихся частнонаучных знаний о правосознании, его истинных основаниях, рассмотрение на основе важнейших методологических принципов и требований сущности, специфики, тенденций функционирования предмета исследования. Теоретико-методологическую основу социально-философского анализа данного феномена составляют онтологические, гносеологические функциональные подходы к исследованию ценностных оснований правосознания, позволяющие прогнозировать деятельность конкретного индивида, а значит, и определять условия, способствующие наиболее полной, конструктивной реализации творческих возможностей каждой личности [5; 6; 7].

Социально-философский анализ правосознания как социального явления, выявление содержательной стороны правосознания как ценности и ценностных аспектов правосознания, по нашему мнению, послужит необходимым условием выделения особенностей формирования и функцио-

нирования ценностных оснований правосознания личности, определения условий и факторов оптимизации данного процесса.

Определение сущности, содержания и особенностей ценностных оснований правосознания предполагает использование целой совокупности методологических принципов диалектики, феноменологии, системного и других подходов.

В частности, необходимо учитывать, что диалектико-материалистическая парадигма обращает внимание, прежде всего, на материальную основу общества (общественное бытие), отражающую духовные (общественное сознание) и социально-политические (надстроечные институты) феномены. Этот подход ориентирует на существование объективных законов, согласно которым общество развивается и функционирует.

Феноменологический подход в основном базируется на осмыслении основополагающего элемента общества – человека, его целей и устремлений, реализуемых в предметах и процессах, прежде всего, в деятельности.

Преодолеть однобокость каждой из парадигм можно с помощью системного анализа жизненного мира как взаимодействие подсистем «человек – природа», «человек – общество», «человек – человек», «человек – его «Я».

Данный подход позволяет рассматривать общество, человека и природу как целостность, даёт возможность раскрыть сущность общественного сознания через его важнейший «срез» – человечность, духовность, субъективность, объясняет не только объективную закономерность развития общества, но и внутренний мир человека, его индивидуального сознания, смысл жизни и другие «личностные» феномены общественной жизни, без учёта которых общество предстаёт некой абстракцией, не связанной человеком.

Сложность этой задачи продиктована диалектикой соотношения формы и содержания, общего и особенного, должного и сущего. Поэтому познание ценностных оснований правосознания личности проходит путь от осмысления её внешних аспектов к раскрытию внутренних, повторяющихся, необходимых связей, то есть сущности. Раскрытие сущностных черт правосознания позволяет выявить направления функционирования ценностных оснований и определения условий и факторов их оптимизации.

Анализ проблемы ценностных оснований правосознания личности позволяет рассмотреть такие основополагающие категории, как «ценность» и «право».

Как типы общественного сознания ценность и право, с одной стороны, представляют собой, весьма различные сферы духовной жизни; их содержанием являются разнопорядковые предметы. В другом случае – это формы и законы бытия мира в целом, место человека в этом мире и отношение к нему в деятельно-практической и познавательно-теоретической форме. В обеих сферах находят отображение свойственные им объективные законо-

мерности и потребности общественного развития, социальные позиции и интересы, проблемы соответствующей эпохи.

Попытаемся проиллюстрировать взаимосвязь и взаимопроникновение ценностей и права как процесс формирования правосознания.

И ценность, и право как специфические и самостоятельные формы общественного сознания возникают впервые лишь в классовом обществе. Ценности исторически складываются как форма теоретического мировоззрения, как результат традиций, обычаев, обрядов, законов, других внешних регуляторов, регламентирующих практическую жизнедеятельность людей. Постепенно складывается внутренний механизм регуляции поведения человека, постепенно выстраиваются ценностные отношения доброго и злого, хорошего и дурного, доблестного и постыдного, святого и греховного, дозволенного и запретного и т. д.

Проблема ценностей постоянно занимала умы мыслителей во все времена. Это объясняется тем, что она связана с фундаментальными вопросами человеческого бытия. Дело в том, что предметы и явления окружающего нас мира не только обладают объективными свойствами, но и находятся в определенных связях с человеком, способствуя или препятствуя достижению поставленных им целей, осуществлению его жизненных планов. Поэтому человек не просто познает предметы и явления действительности, но и оценивает их с точки зрения своих стремлений, потребностей и интересов. Поэтому огромное внимание уделяется особенно в последнее время проблеме ценностей. Это прослеживается в зарубежной и отечественной философской мысли. Понятие «ценности» прочно вошло в философию с сер. XIX в. Необходимо отметить тот факт, что становление проблемы ценностей не связано с каким-то одним философским направлением.

Понятием «ценность» широко пользуется Г. Гегель в работе «Философия права», подразумевая под ним, с одной стороны, количественную определенность вещи, выраженную через ее качество, а с другой – значимость этой вещи для человека.

К. Маркс в «Капитале» ценность вещи связывал с потребительской стоимостью товара, в том числе государства, права, науки, философии.

Ф. Ницше расчленил бытие на объективную реальность и мир ценностей, значений и смыслов человеческого сознания. Ценность для Ф. Ницше – это всегда смысл, который человек «вкладывает» в вещь или «извлекает» из нее. Причем ценность обязательно несет в себе разные смыслы. Поэтому правомерны и даже необходимы для человека, скажем, несправедливость, заблуждения, бессмыслицы, которые тоже имеют определенный смысл.

Неокантианство в лице представителей Баденской (Фрайбургской) школы (В. Виндельбанд, Г. Риккерт) и Марбургской школы (П. Наторг, Э. Кассирер и др.) определяло ценности как идеальное бытие Трансцендентальный субъект выступал носителем этого идеала Неокантианцы под

ценностью понимали идеалы, принципы, нормы соотносимые не столько с реальным бытием, сколько с «нормативным сознанием. Ценности не зависят от человеческих потребностей и желаний, а по своей природе априорны. В частности, Генрих Риккерт (1863–1936) и Вильгельм Виндельбанд (1848–1915) основными ценностями считали истину, красоту, наличную святость, нравственность, счастье, Бога, право.

Социологическая концепция ценностей, представленная «понимающей социологией» М. Вебера, Ф. Знанецкого, школой структурно-функционального анализа (Т. Парсонс, Е. Шилз, С. Клакхон и др.), решала проблему ценностей в рамках социальной философии.

Русская философия конца XIX – начала XX вв. (Н. Бердяев, С. Булгаков, П. Струве, С. Франк и др.), определяя ценности в духе неокантианства, обогатила марксизм ценностным подходом к общественному прогрессу.

Развитие проблемы ценностей в советский период осуществлялось марксистско-ленинской идеологией, которая устанавливала в качестве духовных ценностей коммунистический идеал и советский образ жизни.

Теорию ценностей разрабатывали О. Дробницкий, М. Мамардашвили, В. Тугаринов, которые, вопреки официальной установке об аксиологии как лженауке, внесли большой вклад в ее становление и упрочение.

Сегодня проблемам аксиологии посвящены труды А. Ионина, Н. Козловой, В. Межуева, Ю. Резника, Э. Соколова и др. Наблюдающийся интерес отечественных ученых к проблеме ценностей с конца 80-х годов XX столетия объясняется необходимостью в объективном анализе происходящих реформ в России со стороны их духовно-ценностного содержания.

Появилось множество различных, не совпадающих друг с другом определений того, что является ценностью. Пестрота в определении ценности в основном объясняется различиями в аспектах рассмотрения, уровне абстракции, осознании методологической значимости этой категории при исследовании других явлений действительности.

Исходя из имеющихся результатов исследований природы ценности и ценностного сознания в общенаучной литературе, можно дать в самом общем виде следующее определение ценности. *Ценности – это предметы, явления и их свойства, которые имеют социокультурный смысл и предназначение для людей определенного общества, класса и определенной личности в качестве средств удовлетворения их потребностей и интересов, составляющие основу, цель и средство социального развития.* Данное определение, на наш взгляд, подчеркивает следующий момент. Лишь для человека и общества вещи, предметы и явления имеют особый смысл, освященный обычаями, интересами, потребностями и вообще культурой. На первый план выступает не то, что безусловно необходимо, без чего нельзя существовать (эта задача решается на уровне потребностей), не то, что выгодно с точки зрения материальных условий бытия (это уровень действия интересов), а то, что соответствует представлению о назначении человека и

его достоинстве, то главное в мотивации поведения, в котором проявляется самоутверждение и свобода личности.

В нынешних условиях раскрытие новых аспектов в изучении сущности, особенностей реального воплощения ценностей в жизни людей связано с переосмыслением ценностных оснований современного бытия мышления, а также с необходимостью увязки теории ценностей с системой правовых отношений.

Если ценности выступают высшей нормативной формой регуляции отношений в виде цели и смысла жизни, то право непосредственно обеспечивает эту нормативную систему, выступая как социальная норма.

Наиболее распространенный взгляд на право – оно представляет собой норму социальной свободы. «Право есть совокупность норм, с одной стороны, предоставляющих, а с другой стороны, ограничивающих внешнюю свободу лиц в их взаимных отношениях»[12].

Так, по И. Канту, право выступает совокупностью условий, позволяющих совместить произвол (свободу) одного лица с произволом (свободой) другого с точки зрения всеобщего закона свободы [4].

Многозначность феномена права предопределила значительное число представлений о его сущности и содержании. Рассмотрим некоторые из них.

Онтологическая трактовка права содержится в философии права австрийского юриста Р. Марчича. Поясняя смысл своего подхода, он писал: «Я представляю строгую онтологию права и признаю в праве как порядке норме трансцендентальное... А именно я рассматриваю действительность бытия или мира как действительность права. Право есть черта бытия (природы, натуры)... Порядок бытия и порядок права в основе сходятся, они в основе одно и то же».

Согласно такой правовой онтологии, в основе любого исторически данного, позитивно установленного порядка лежит препозитивный (допозитивный) порядок бытия (естественный порядок, порядок вещей), который и трактуется Марчичем как препозитивное право, как право бытия, как естественное право. Это делает возможным позитивное право, его действие и его изменение.

Не последнюю роль в этом поиске новых горизонтов права играло стремление дать действующему праву нравственные, внеавторитарные основания. Это явление было особенно распространено в дореволюционной России, и его можно рассматривать как укоренившуюся тенденцию в нашей правовой культуре.

Задача философии права сводилась к тому, чтобы соотносить существующий закон с идеалом справедливости в лице естественного права. Наблюдается тенденция объяснения правовых положений нравственной природой. Право ставится в подчинение нравственности. При этом естественное право понимается как уже по своей природе нравственное явление и исходно наделяется соответствующей абсолютной ценностью.

Такой подход невольно готовил почву для распространения правового нигилизма, т. е. отказа от права по причине его недостаточной моральности.

Многим авторам в своих трудах пришлось выступить защитниками правовой идеи от искажений, которые она испытала в конце XIX века.

Например, Н. Бердяев, критикуя естественноправовую позицию в области права, отмечает: «Неотъемлемые права человека, устанавливающие границы власти общества над человеком, определяются не природой, а духом. Это духовные права, а не естественные права, природа никогда прав не устанавливает».

Неотчуждаемые права человека выступают в трактовке Н. Бердяева как форма выражения и существования в земном мире личной свободы, т. е. трансцендентного (и божественного) феномена из царства Духа. При этом он трактует неотчуждаемые права человека как именно духовные, а не естественные права.

Надо сказать, что в России наряду с Н. Бердяевым интерпретацию прав, как духовного явления осуществляли юристы Л. Петражицкий, Н. Коркунов. О проблемах духовности и духовной жизни человека много писали русские религиозные философы конца XIX – начала XX вв.: И. Киреевский, А. Хомяков, В. Соловьёв, Б. Вышеславцев, С. Франк, Н. Лосский, И. Ильин. Проблемы целостности духа и восстановления утраченной целостности личности, вопросы о внутреннем устройении жизни обуславливали их глубокий интерес к многообразным аспектам духовности человека. По их представлениям право проявляется не только как внешнее явление, настоящим же бытием права является душа, т. е. духовная природа человека. Если право имеет полноту бытия, писал И. Ильин, то только через правосознание, т. е. через правочувствование, правовеление, правомышление и, наконец, правоедеяние. Если же государство проявляет себя, то только через душевно-духовное переживание и осуществление людьми его цели и его средств, его содержания и его формы [2].

Бергбом, Остин, Гербер стремятся создать «позитивную» правовую науку, охватывающую общие и отдельные дисциплины, разрабатывают понятия, из которых как из кирпичиков будут строиться элементы правового сознания. При этом «естественному праву» уделяют внимание лишь как теории, выполнившей свою роль, и отошедшей в прошлое. Такое понимание права как рационально-дедуктивной системы, взятой в полном отрыве от общественных конфликтов и мировоззренческой оценки, вполне отвечало основной задаче, выдвинутой позитивистски ориентированные правосознанием: задаче каталогизации права. Индивид должен только улавливать зависимость частных предписаний от общих положенной в стройной иерархии ценностей.

В основе таких воззрений на право лежало представление о том, что юридический закон отнюдь не выражает чьи-то конкретные интересы, а напротив, ограничивает эти интересы извне, имеет, таким образом, только общесоциальное значение упорядочения общественной жизни.

Представитель нормативистского направления в праве Г. Кельзен утверждает, например, что право необходимо изучать в «чистом виде», вне связи с политическими, нравственными и другими оценками, т. к. в противном случае наука теряет объективный характер и превращается в идеологию. Представители данной школы видят в праве систему реально действующих, то есть обеспеченных властным принуждением правил поведения людей, или, что, то же самое, принудительный порядок общественных отношений. Право из динамической системы превращается, по существу, в статистическую совокупность нормативно-правовых предписаний, выводится из практической сферы, поскольку определяется как «должное» без «сущего». Между тем жизнь права не только в законах и подзаконных актах, но и в воплощении их предписаний в регулируемых общественных отношениях, в воспитании и формировании правовых установок людей, ценностных ориентаций, в преобразовании общественного бытия.

Феноменологическое, экзистенциалистское, эмотивистское направления, вновь утверждающееся «естественное право» и др. пытаются реставрировать, с одной стороны, мировоззренческие, а с другой, практические функции права и укрепить тем самым его престиж в конкретной социальной жизни. Можно привести следующий исторический факт: в нацистской Германии действительно было формально сохранено буржуазно-либеральное законодательство, и все процессы против антифашистов, социал-демократов, либералов, христиан, имеющие характер массовых политических преследований и репрессий, велись как будто бы в соответствии с буквой закона. Формалистически интерпретированное право оказалось в равной мере пригодным и для внеправовых по существу действий. Фактически попирался дух закона. Как раз в связи с этим обстоятельством сейчас на Западе много говорится о необходимости «высшего», «смыслового» права, которое должно лежать в основе права действующего и контролировать его.

Профессор философии права парижского университета А. Батиффокль высказывает по этому поводу следующее предположение, что глубокая разработка права невозможна без философского осмысления «основного, высшего смысла права». В продолжение его мысли профессор права П. А. Шварц-Либман фон Валендорф видит назначение философии права в ценностном подходе (оценке) к позитивному праву, поскольку «философия по сути своей, и есть установление иерархии ценностей по отношению к окружающему нас миру». Само право характеризуется Валендорфом как «логика ценностей», а законы («абстрактные нормы права») как «довольно хрупкий результат более или менее ясного intersubъектного соглашения между членами данного общества»³. Следовательно, без установления ценностных основ жизни невозможно существование права, как духовного явления в жизни человека.

Таким образом, право и ценность стягиваются в единое целое с помощью такой общечеловеческой ценности как общее благо.

Понятие «общего блага» относится к числу фундаментальных ценностей и принципов всей европейской социальной, политической и правовой культуры. Данное понятие разрабатывалось уже древнегреческими авторами (Демокрит, Платон, Аристотель и др.), а затем и другими философами и юристами. Например, идея блага, или высшего добра по мнению Платона – есть идея всех идей, источник красоты, гармонии, соразмерности и истины. Благо как высшая ценность включает в себя добро, истину и красоту. Идея блага стягивает всё множество идей в некоторое единство; это единство цели; всё направляется к благой цели [8].

Общее благо, согласно современным представлениям в философии права, это правовая форма признания и реализация индивидуальных благ по принципу формального равенства. В концепции общего блага представляется правовая модель на основе выявления, согласования, признания различных, во многом противоречащих друг другу интересов, притязаний, воли членов данного содружества в качестве их блага, возможного и допустимого с точки зрения всеобщей *меры равенства, свободы и справедливости*.

Общее благо – это смысл и искомый результат правового типа организации социально-политического сообщества людей как свободных и равноправных субъектов. Исторический опыт и теория свидетельствуют, что только такой тип организации сообщества людей и согласования интересов сообщества и его членов, целого и части, частного и публичного, индивидов и власти, совместим со свободами и правами людей, с признанием достоинства и ценности человеческой личности. Речь по существу идёт об организации социума, частных и публичных отношений на основе и соответствии с требованиями правового принципа равенства, свободы и справедливости.

Все остальные (неправовые) типы организации жизни людей по сути своей основаны на несвободе и несправедливости людей, на насилии и произволе. Право (и соответствующее правовое государство) – это и есть принцип и порядок человеческого блага, индивидуального и общего.

Очевидно, что по своим ценностным характеристикам и по условиям существования общее благо в его философско-правовом аспекте совпадает с сущностными характеристиками права. Право – это и есть элемент общего блага, ибо только право обеспечивает равенство, свободу и справедливость. И наоборот, общее благо есть результат функционирования права. *В силу этого и само право есть благо*. Ценностные различия общего блага и права заключаются в том, что благо выступает как ценность–цель, а право – как ценность–средство, используемое для достижения других, более значимых ценностей. В свою очередь, элементы права – равенство, свобода и справедливость – служат ценностями–средствами, обеспечивающими существование самого права.

Таким образом, *право является важнейшей ценностью в регуляции отношений между людьми как средство достижения целей человеческой деятельности, основанной на общечеловеческих ценностях (добро, истина, красота, жизнь и др.) по обеспечению свободы каждого индивида, равенства и справедливости социальных отношений.*

Данная трактовка права показывает, что в качестве основных ценностей человеческого бытия (равенства, свободы, справедливости) в качестве моментов правовой формы долженствования чётко очерчивает и фиксирует ценностный статус права как ценности (круг, состав, потенциал права как ценности, специфику права как ценностно-должного в общей системе ценностей и форм долженствования и т. д.). С этих позиций правовых ценностей может и должно определяться ценностное значение всех феноменов права в сфере сущего.

Эту сферу сущего, ценностно определяемого с позиций правового долженствования, составляют закон и государство во всех их фактических проявлениях и измерениях, во всём их реальном существовании, а также значимое поведение всех субъектов права. Право при этом выступает целью для закона (позитивного права), государства, поведения людей.

Цель права как должного в отношении закона, государства, поведения субъектов можно сформулировать в виде следующего ценностно-нормативного императива: *закон (позитивное право), государство, поведение субъектов права должны быть правовыми.*

В этой аксиологической плоскости соотношение должного и сущего выражает идею необходимости постоянного совершенствования практически сложившихся и реально действующих форм позитивного права, государства и поведения людей, которые как явления исторически развивающейся действительности разделяют её достижения и недостатки и всегда далеки от идеального состояния. К тому же в процессе исторического развития обновляется, обогащается и конкретизируется сам смысл правовое долженствования, весь комплекс правовых целей – ценностей – требований, которым должны соответствовать наличные законы, государство, поведение субъектов права.

Действительно, ценность и право имеют много общего. По мнению ряда исследователей, общее ценности и права заключается в том, что их объединяет нормативность, т. е. наличие предписательных, повелительных ориентиров для поведения людей и их сообществ. Социальные отношения отражаются и выражаются в определенных ценностях, моральных и правовых нормах. И, несмотря на то, что ценности и некоторые нормы морали и права носят оценочный характер, лишь фиксируют субъективное отношение к какому-либо событию, исходя из единых критериев, все же в любом случае норма – это требование, повеление.

В правовой культуре соотнесённость права с системой ценностей находит выражение в правосознании, которое обслуживает весь механизм пра-

вового регулирования, выполняет функции отражения и оценки всех остальных компонентов данной культуры: правовых институтов, норм, отношений и правового поведения граждан. Правосознание является естественным «вместилищем» представлений о ценностях права и, в силу этого, служит ключом к пониманию конкретно-исторической, этнорегиональной и профессиональной специфики правовой культуры в целом.

Правосознание стремится всё многообразие правовых явлений свести к одному изначальному принципу. Таким узлом, где соединились основные проблемы права, и становится понятие человеческой природы и природы ценностей. Например, у Гроция – принципом её стало тяготение людей друг к другу, у Гоббса – стремление человека ограничить свои эгоистические наклонности, у Томазия – вселенская любовь и т. д. Здесь теоретическое правосознание и должно было сомкнуться с ценностными основаниями человеческой деятельности.

Когда же «общество» было реализовано в виде системы частного предпринимательства, стихии частного интереса и экономической конкуренции, «войны всех против всех», политического прагматизма и игры противостоящих друг другу сил, группировок, партий и классов, – тогда стало ясно, что право в этом обществе может играть лишь внешне регламентирующую, упорядочивающую, ограничительную роль, но никак не служит в виде конструирующего принципа, созидającego общественную жизнь. Соответственно в воззрениях на социальную действительность, с одной стороны, начинает превалировать иррационалистическая тенденция. И само «человеческо-естественное» начало всё чаще трактуют как иррациональное, стихийное, в самом себе неупорядоченное, противоразумное. С другой же стороны, разумноупорядочивающее начало (каковым и мыслится право) всё более приобретает характер чего-то только формального, абстрактно-всеобщего, противостоящего конкретности социальной жизни в виде застывшего и «самоочевидного» принципа. Ценности права с его формальной всеобщностью противоплагаются конкретно-социологическому мышлению, которое имеет дело не с законосообразным, а с текучей и плюральной эмпирией наличной действительности.

В этом отношении наиболее характерной представляется социальная философия М. Вебера, которая сочетала в себе обе эти тенденции и пыталась в то же время преодолеть их взаимный разрыв. Мир выступает в концепции Вебера как хаос действий отдельных индивидов, руководимых самими различными религиями, идеологиями и системами ценностей. Теоретическая наука может лишь попытаться сконструировать логические схемы («идеальные типы») и как-то классифицировать бесконечное разнообразие, учитывая при этом, что эти схемы могут быть чисто формальными. В теории заранее выделяется узкая сфера деятельности, и любой выход из этой сферы трактуется как выход за пределы познаваемого; любая научная оценка той или иной системы ценностей становится явно бессмысленной,

так как жизнь иррациональна в своей основе. Её можно понять лишь в одном аспекте – приложив к ней условные логические схемы познающего субъекта.

Далее, имеется в виду создание «юриспруденции действий, а не понятий», т. е. такого правосознания, которое ориентировалось бы непосредственно в житейских ситуациях и было способно разрешать сами практические конфликты, а не примирять теоретические противоречия посредством общих принципов. Например, согласно концепции швейцарского юриста Г. Кона, центр тяжести любого явления находится в конкретной ситуации. В ней смысл и право. Именно она придаёт закону и другим источникам права значимость и само существование. Эта она притягивает их к себе и, наоборот, оставляет бездейственным, когда не нуждается в них.

Таким образом, можно сказать, что любое право исторично, оно сначала появляется как теоретический идеал, а затем функционирует в качестве закона в соответствии с вызвавшими его ценностными основаниями. Исторично, следовательно, и правосознание общества, которое функционирует как знание и оценка изменчивого законодательства.

Однако наряду с переменными характеристиками правосознания в нем содержится и некоторая постоянная величина: всякое общественное сознание содержит в себе идею общества, а всякая идея общества должна базироваться на определенных правовых отношениях. По мнению А. Спиркина: «Правосознание общества всегда есть идея регламентированных отношений между личностью и государством, которые признаются необходимыми для поддержания общества против сил анархии, которые нужно знать и соблюдать, но нельзя считать абсолютными, то есть свободными от критической оценки» [8].

С точки зрения правосознания воля государства сама по себе, а не является конечным основанием права. Сама эта воля должна соответствовать какому-то «началу», принципу, основанию. И как только речь заходила о таких основаниях права, мыслитель попадал в область аксиологии о «назначении» общества и человека, об их «изначальных», «естественных» (или сверхъестественных) правах, о «природе», «свободе», «ценностях» и «ответственности» человека как такового. Причём интерпретации правовой проблемы, поставленной в таких широких границах, могли быть только специфически философскими, соответствующими определённой системе ценностей общества.

Философские дискуссии о ценностных основаниях правосознания всегда активизируются в переломные исторические периоды, а поэтому официально принятое правовое решение назревших проблем всегда склоняется к той философской идее, которая отвечает идеологическим правовым потребностям существующего общественного строя.

Потребность в активизации правосознания способствовала и собственно прогрессу в понимании таких ценностей как добро, свобода,

равенство, справедливость. Под влиянием правосознания происходит изменение духовной жизни человека. Так и под влиянием духовных ценностей происходит изменение сущности правосознания.

Например, видный российский исследователь в области правосознания И. Ильин отмечал, что в правосознании человек утверждает свою собственную духовность и признаёт духовность других людей. Отсюда и вытекают те фундаментальные человеческие качества, которые формируют подлинное правосознание, – чувство собственного достоинства, способность к самообязыванию и самоуправлению, взаимное уважение и доверие людей друг к другу, духовная самостоятельность, свободолюбие, взаимность, солидарность [2].

М. Строгович в свою очередь указывал, что правосознание как область духовного, есть совокупность правовых воззрений людей, то есть убеждений относительно правомерности и неправомерности действий, прав и обязанностей членов данного общества, справедливости или несправедливости тех или иных законов [9].

Право неразрывно связано с правосознанием через его ценностные характеристики, правовые отношения и нормы.

По утверждению К. Бельского: «Право – это особое Проявление правосознания, специфическая форма его жизни, возведения его государством в закон» [1]. Правовые нормы немыслимы без правосознания, они не могут без него существовать. В связи с этим некоторые исследователи полагают, что в правовых нормах как бы концентрируются регулятивные потенции правосознания, и отличие правосознания от других форм сознания состоит именно в том, что «степень регулятивности здесь наиболее высокая» [11].

А. Спиркин в свою очередь указывает, что «... правосознание есть та форма общественного сознания, в которой выражаются знание и оценка принятых в данном обществе в качестве юридических законов, нормативов социально-экономической деятельности различных субъектов права индивида, предприятия, трудовых коллективов, организаций, должностных лиц и т. п.» [8].

Различные трактовки данного вопроса свидетельствуют о том, что анализ правосознания как общественного явления представляет значительную трудность. Совершенно очевидно, что от того смысла, который вкладывается в понятие правосознание, зависит решение вопроса о специфике правосознания, о его структуре.

Библиографический список

1. Бельский, К. Т. Формирование и развитие социального правосознания. – М., 1982. – С. 34.
2. Ильин, И. А. О сущности правосознания. – М., 1993. – С. 212.
3. История политических и правовых учений. 17–18 вв. – М., 1989. – С. 197.

4. **Кедров, Б. М.** Философия как общая наука // Вопросы философии. – 1962. – № 6. – С. 58–59
5. **Кохановский, В. П.** Философия и методология науки: Учебник для ВУЗов. – Ростов н/Д, 1999. – С. 167–173
6. **Ойзерман, Т. И.** Проблемы историко-философской науки. – М., 1985. – С. 270–274
7. **Платон.** Соч.: В 3 т. Т. 3. Ч. 1. С. 317.
8. **Спиркин, А. Г.** Основы философии: Учебник. – М, 1988. – С. 492.
9. **Строгович, М. С.** Учение о материальной истине в уголовном процессе. – М., 1955. – С. 121
10. **Трубецкой, Е. Н.** Лекции по энциклопедии права. – М., 1917. – С. 214.
11. **Чефранов, В. А.** Правовое сознание как разновидность социального отражения. – Киев, 1976. – С. 73.

УДК 378

Л. А. Кравцова

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ ГОТОВНОСТИ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ К ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ

Изучение теоретических аспектов проблемы формирования готовности студентов к воспитательной работе и определение сущности воспитательной работы в аспекте философского и педагогического знания создало предпосылки для разработки модели процесса формирования готовности студентов к организации воспитательной работы. С этой целью определено содержание компонентов формируемой готовности, выделены умения и профессионально-значимые качества ее проявления. Таким образом были определены все основания для выявления и теоретического обоснования педагогических условий, обеспечивающих формирование готовности студентов к организации воспитательной работы и экспериментальной проверки модели процесса формирования готовности студентов педвуза к организации воспитательной работы.

По нашему убеждению, данный аналог предназначен для хранения и расширения знания (информации) о существующем оригинале, для конструирования, преобразования или управления им. В процессе познания модель как бы замещает оригинал, причем не только в познании, но и на практике. При этом модель всегда выполняет познавательную роль и выступает в качестве средства объяснения, предсказания и эвристики.

Использование моделей при исследовании объектов познания лежит в основе метода моделирования. Данный метод предполагает построение и